

Студенты, которым он отказывал слишком часто, а потом замечали, как он входит и выходит в компании двоих из павильона Чуньбо академии Циншань, начали распускать сплетни:

— Да дело не в том, что у него нет времени. Просто мы ему не ровня.

— Тьфу, строит из себя недотрогу.

Чэн Цяньжэнь вовсе не был таким по натуре. В прошлой жизни, когда он учился в университете, то ночи напролет просиживал в компьютерных клубах, прогуливал пары ради баскетбола и был самым компанейским парнем на свете.

Но теперь всё иначе. Живя в этом мире, он не делал ничего бесполезного, не заботился о мнении посторонних и уж тем более не собирался тратить время на оправдания. Пусть называют его холодным или расчетливым — три года жизни на границе Дунчуаня превратили его в такого человека.

Конечно, это не вызывало симпатии. Внешность обычная, одет бедно, успеваемость средняя — с какой стати он делает вид, будто весь мир погряз в пороке, а он один стоит в белом? Все живут по негласным правилам, почему же он считает себя особенным?

Думает, что он Линь Дучжи, первый в списке Наньшаня?

Сегодня в академию официально зачисляли новичков. Преподаватели, вероятно, всё еще задерживались в зале Усердного учения, а в учебном корпусе студенты уже вовсю болтали, шум стоял невообразимый, но учителей всё не было.

Учебный зал для основных дисциплин был гораздо просторнее, чем для дополнительных: отдельные столы для каждого, проходы между ними достаточно широкие, чтобы мог пройти человек. Чэн Цяньжэнь сидел как раз на границе двух группировок, в третьем ряду у окна.

Он опустил голову в книгу. Слева от него простирались белые облака над зелеными горами, а справа словно стоял невидимый барьер, отделявший его от общего гомона.

— Как вам новички в этом году? Есть симпатичные младшие сестры?

— Где там. Я сегодня заходил через Западные ворота, видел кучу младших братьев — стоят столбом, глупые такие. Тьфу, смотреть не на что.

Кто-то, подражая манерам преподавателя, покачал головой:

— Эх, студенты Наньюаня с каждым годом всё хуже и хуже.

Все дружно рассмеялись, но вдруг раздался резкий, неприятный голос:

— Академия Наньюань сейчас кого попало берет. Деревенщины с Восточных окраин стали нашими сокурсниками. Неудивительно, что последние десять лет мы каждый год проигрываем турнир двух академий стороне Бэйланя.

Это говорил Чжан Шэнъи, уроженец города Наньян. Хотя он не был так знаменит, как первый номер списка Наньшаня — Линь Дучжи, в этом классе он был лучшим по успеваемости, к тому же сорил деньгами, за что его прозвали господином Чжаном.

Как только эти слова прозвучали, атмосфера беспечного веселья мгновенно застыла.

Жители Наньяна горды: они почитают сильных, но не презирают слабых. Чжан обычно не позволял себе подобных высказываний, которые роняли его собственное достоинство. Видимо, сегодня он был не в духе, вот и сорвался.

В одно мгновение десятки взглядов устремились к окну, и многие из них были полны злорадства. Старательные зубрили из первых рядов тоже отложили книги и повернулись, чтобы поглазеть на представление.

Каждый понимал, к кому обращены эти слова. В конце концов, если посмотреть на весь Наньшань, был лишь один студент родом из приграничного городка Дунчуаня — Чэн Цяньжэнь.

Все ждали его реакции.

Если тебя высмеивают за спиной, можно сделать вид, что не слышишь, но когда тебя прижали к стенке, что ты сделаешь?

Чэн Цяньжэнь не поднял глаз, продолжая читать.

Ему даже стало смешно. Столько талантов в прославленном Наньюане, а в том, что турнир двух академий проигран, виноват он? Слишком много чести.

Но он промолчал, потому что не хотел неприятностей. Дома младший брат, разве можно вести себя как вздумается?

Сказать по правде, никакой вражды не было, так, пустые амбиции. По сравнению с жестокими разбойниками гор Дунчуаня или раздутыми телами в водах реки Цанцзян, его сокурсники казались до наивности милыми, словно весеннее солнце за окном.

Хотя в их глазах он, должно быть, выглядел отвратительно.

Подумав об этом, Чэн Цяньжэнь не сдержал легкой усмешки.

— Хм...

Он не знал, что в нынешней напряженной обстановке этот смешок прозвучал как презрительное фырканье.

Лицо господина Чжана мгновенно изменилось. Он вскочил, ударив по столу. Пятеро или шестеро его приятелей тоже разом поднялись.

Вдруг раздался старческий, гулкий голос:

— Похоже, вас очень беспокоит, что наш Наньюань проигрывает.

Седовласый старик с пронзительным взглядом стоял в дверях, сжимая в руках свиток. Неизвестно, сколько времени он там простоял.

— Учитель!

Студенты в панике засуетились, в спешке расставляя столы и стулья на места и вытягиваясь в струнку.

Старый учитель прошел внутрь:

— Турнир двух академий существует для того, чтобы напомнить вам: всегда найдется кто-то сильнее. Вы должны быть прилежны и не смей кичиться своими талантами... Если так жаждете победы, докажите это своим мастерством в этом году. А если вам не нравится Наньюань — уходите, поезжайте на север, в Имперскую столицу, поступайте в Бэйлань... — старик обвел взглядом каждого студента. — Жаловаться на судьбу — это разве достижение? Я вас этому учил?!

Чжан Шэнъи, покраснев от стыда, сделал шаг вперед и отвесил глубокий поклон:

— Учитель Сюй, я был неправ, прошу прощения!

Он признал вину быстро, что соответствовало ценностям Наньюаня — отвечать за свои поступки, и мгновенно завоевал симпатии многих. Остальные гордые юноши тоже потупили взоры, стыдясь того, что не хватило смелости выйти вперед.

Учитель Сюй махнул рукой и вернулся к кафедре:

— Ладно, садитесь.

Основные дисциплины — не чета дополнительным. Преподаватели здесь держат в руках судьбы студентов, от них зависит будущее после выпуска. Особенно в Наньшане: попадешь ли ты во дворец к императору или останешься деревенским учителем — иногда всё решается одним рекомендательным письмом.

Хотя учитель Сюй не был практиком, он полжизни прослужил редактором в Академии Ханьлинь. Восемь лет назад, желая избежать политических интриг, он ушел в отставку и по приглашению вице-директора Наньюаня стал преподавать здесь математику.

Все знали, что учитель Сюй больше всех благоволит к господину Чжану.

Три дня назад из Академии Ханьлинь приходили люди, чтобы переиздать Записки о забытых математических методах, и просили его вернуться, чтобы возглавить работу. Учитель Сюй сослался на старость и немощь, но, не сумев отказать, порекомендовал одного студента вместо себя. Говорили, что кандидатом был именно Чжан Шэнъи.

Из-за этого в доме Чжанов два дня подряд гремели пиры, на которые созывали всех родственников и друзей. Господин Чжан купался в лучах славы.

Вчера, проходя мимо павильона Ханьхай, он услышал, как несколько преподавателей математики обсуждали это событие, и невольно остановился у окна.

Сначала звучали лишь похвалы, от которых кружилась голова, но вдруг он услышал слова учителя Сюя:

— Чжан Шэнъи, конечно, неплох, но если говорить о таланте, то лучший студент — это Чэн Цяньжэнь, он и к делам подходит рассудительно. Жаль только, что его что-то тяготит, и он не может полностью отдаться учебе. Я изначально хотел рекомендовать его... Статьи писать легко, а вот истинное понимание вещей — редкий дар. Очень жаль.

Чжан Шэнъи был поражен, словно громом.

Что он уступает Линь Дучжи, наделенному врожденной мудростью, — с этим он смирился. Но кто такой Чэн Цяньжэнь?

Он не мог никому рассказать об этом, всю ночь не сомкнул глаз, переполненный негодованием. А сегодня, увидев Чэна вживую, не сдержался и наговорил гадостей.

Чэн Цяньжэнь даже не подозревал, что его единственный «золотой палец» — уровень начальной школы — уже обеспечил ему серьезную неприязнь.

Учитель Сюй проверил знания у нескольких человек, дал комментарии и ответы на вопросы. Не прошло и получаса, как он закончил:

— На сегодня всё, возвращайтесь и внимательно изучите три главы Записок о забытых математических методах... Новички осваиваются в академии, вам нужно показать им дорогу. Как старшие наставляли вас в прошлом году, так и вы наставляйте их. Свободны.

Едва учитель вышел за дверь, студенты радостно зашумели.

«Показать дорогу» — это не значит просто проводить до места. Это означало помочь новичкам освоиться, рассказать о правилах, посоветовать курсы — традиция наставничества.

Чэн Цяньжэнь, закрыв книгу и убрав кисть, увидел, как многие студенты уже выбегают из зала, поправляя одежду на ходу.

— Младшие братья, не спешите наверх, я покажу вам другие два корпуса, потом библиотеку, тренировочную площадку, пруд Тайе. В час змеи на кухне дадут обед, поедим и пойдем на гору.

Желающих стать наставниками было слишком много. Чэн Цяньжэнь в одиночестве простоял у ворот добрую палочку благовоний, но никто к нему не подошел.

«Отлично, — подумал он, — сегодня выходной. Пойду домой к ребенку».

Повсюду цвели цветы, пели птицы, новички смотрели на всё с восхищением, старшие важно рассуждали о жизни — весенний день был полон энергии.

Поэтому, когда Чэн Цяньжэнь увидел Гу Сюэцзяна, он подумал, что тот портит всю картину.

Гу Сюэцзян полулежал, прислонившись к колонне галереи, верхняя одежда была небрежно накинута на плечи. Он был в шелковом халате цвета темного пурпура, в длинных пальцах держал золотую курительную трубку, выпуская облака дыма.

Белый дым окутывал его красивое лицо, скрывая взгляд.

Две-три девушки с покрасневшими лицами стояли рядом, что-то спрашивая. Гу Сюэцзян лишь лениво ответил, указал направление, и девушки, поняв, что он не собирается их провожать, хихикая, ушли.

Кажется, в любую эпоху плохие парни нравятся всем. Пока он размышлял об этом, Гу Сюэцзян поманил его рукой.

Чэн Цяньжэнь подошел:

— Не в духе? Или что-то случилось?

Обычно, видя красивых девушек, он вел себя как распутный гуляка, а сегодня что, выбрал образ декадента? Новый трюк?

Гу Сюэцзян, услышав вопрос, приподнял бровь и улыбнулся, выглядя уже бодрее.

— Вчера днем ты был на Западном рынке? Мне показалось, я видел твою спину.

Гу Сюэцзян иногда раскладывал там лоток с книгами и картинами, недалеко от лапшичной, где подрабатывал Чэн Цяньжэнь, так что они часто пересекались.

Этим Чэн восхищался: обычный аристократ, дойди он до жизни, когда нужно торговать на улице, счел бы это позором. Но только не Гу Сюэцзян — он спокойно начал новую жизнь.

Как он сам говорил: «Я продаю свои вещи, не ворую и не граблю, с какой стати мне стыдиться? Пишу картины, зарабатываю на жизнь — разве это не честный путь?» Не поспоришь.

— Это был я, — ответил Чэн Цяньжэнь. — Вчера закончил расчеты по книге счетов, относил хозяину. В основном спрашивал... нет ли у него какого-нибудь приличного способа быстро заработать? — он сделал акцент на слове «приличного».

— И что он сказал?

— Велел взять двадцать лян и попытать счастья в «Золотой горе».

«Золотая гора» — так называлось самое большое казино в Наньяне.

Гу Сюэцзян вздохнул:

— Кажется, это не совсем прилично.

Но, вспомнив эксцентричного хозяина Чэн Цяньжэня, он решил, что ответ вполне в его духе.

Вдруг над головой раздался голос:

— О чем вы тут шепчетесь?

Чэн Цяньжэнь вздрогнул, инстинктивно отступил на два шага, чуть не приняв боевую стойку, но быстро расслабился.

С высокого дерева софоры, росшего за галереей, спрыгнул человек и приземлился прямо перед ними.

Листья разлетелись, Сюй Жань отряхнула пыль с формы.

— Ты чего на дереве делала?!

Чэн Цяньжэнь не осмеливался сказать Сюй Жань правду, потому что она была немного безрассудной и могла придумать что-то совсем не приличное. Если ей срочно нужны деньги, она могла пойти на подпольные бои и подписать контракт на смерть.

Среди них троих только он имел привычку откладывать деньги, остальные двое тратили всё, что зарабатывали.

— Учитель велел мне встретить младшего брата, сказал, что он важная персона, — пояснила Сюй Жань. — Сейчас повсюду люди, кто знает, где он? Я подумала, что с высоты виднее, вот и залезла.

Сюй Жань была известна в академии Циншань, учитель Лю, преподававший владение саблей, считал её своей лучшей ученицей.

— И как встречать? Ты его знаешь?

— самого нет, но знаю его меч. У него меч Линьшуан, он есть в Сто трактатов о божественном оружии, я сразу узнаю. — Сюй Жань нетерпеливо взъерошила волосы. — Смотрю, новички в этом году дерзкие, вон уже мечами у пруда Тайе машут, зачем им вообще наши наставления?

Как только новичков зачисляли, они могли свободно входить в академию, так что это явно были они. Старые студенты так не нарушали правила.

Чэн Цяньжэнь, хоть и не практиковал, знал основы:

— Меч Линьшуан... Похоже, этот младший брат непрост.

Сюй Жань хлопнула Гу Сюэцзяна по плечу:

— У вас в корпусе самые свежие новости, слышали что-нибудь? Говорят, его семья пожертвовала огромную сумму на строительство?

Гу Сюэцзян, который до этого молча курил, поднял взгляд:

— Пока он здесь учится, его семья берет на себя все расходы по обслуживанию защитных массивов академии. До самого его выпуска.

Сюй Жань ахнула:

— Все? Сколько же это денег?

Гу Сюэцзян протянул:

— Это не деньги, это духовные камни. Кто посмеет такое заявить, не имея хотя бы сотни цзиней духовных камней?

Сюй Жань опешила:

— Впервые слышу, чтобы духовные камни измеряли цзинями.

Чэн Цяньжэнь тоже был удивлен:

— Кто же это?

— Младшего зовут Чжун Тяньюй.

— Семья Чжун из Имперской столицы.

Сюй Жань и Гу Сюэцзян ответили почти одновременно.

Чэн Цяньжэнь горько усмехнулся. Все учатся в одной академии: он убивается из-за шестидесяти лян, а кто-то бросается золотом направо и налево. Впрочем, он не завидовал богатству, просто вздохнул и забыл.

Сюй Жань была удивлена:

— Семья Чжун? Третья из четырех великих фамилий? Не боковая ветвь?

Гу Сюэцзян махнул рукой:

— Разболтались мы. Идем уже, лезь на дерево.

Сюй Жань сдержалась, чтобы не огрызнуться, собрала ци и прыгнула обратно на дерево.

Как только она ушла, разговор вернулся к началу.

Гу Сюэцзян явно не придумал ничего толкового:

— Эх, если бы у нас были связи с вице-директором, он бы сразу принял Чжулю.

Чэн Цяньжэнь рассмеялся:

— Господин Гу, вы в своих мечтах живете?

Гу Сюэцзян снова вздохнул.

Чэн Цяньжэнь чувствовал, что с Гу Сюэцзяном что-то не так: с самого утра он был подавлен, особенно при Сюй Жань.

— Тебе нехорошо?

— Чэн Цяньжэнь.

Когда его называли по полному имени, внутри всё похолодело. Гу Сюэцзян отложил трубку,

посмотрел на софору и медленно произнес:

— Похоже, мы влипли в историю.

— Говори нормально, не пугай меня.

Только начал жить спокойно, денег еще не накопил, брата не вырастил, обычно даже на оскорбления не отвечаю — и всё равно влип? Неужели всё так плохо?

Гу Сюэцзян отвел его подальше от дерева:

— Если точнее, влипла та недалекая, но можем ли мы её бросить? Нет, конечно. Мы же всё-таки вместе обедаем.

Чэн Цяньжэнь посмотрел туда, куда указывал взгляд друга: густая листва софоры не могла скрыть ярко-красную ленту в волосах Сюй Жань, которая на ветру казалась танцующим огоньком.

...Ох, вдруг перехотелось обедать вместе.

Гу Сюэцзян добавил:

— Иди по своим делам, дело не терпит спешки, после обеда обсудим.

Чэн Цяньжэнь ничего не понял, словно ему рассказали половину сюжета детектива, не назвав убийцу.

«Гу Сюэцзян, чтоб тебя. Не скажешь — не буду спрашивать, лопни ты от любопытства», — подумал он, похлопал друга по плечу и направился прямо к библиотеке.

Сегодня там было оживленнее, чем обычно. У входа собралось много новичков, слушавших рассказы старших.

— Это не только самое высокое здание в Наньяне, но и во всех двенадцати южных провинциях. Говорят, на этом континенте, от гор Цаншань на западе до заставы Байсюэ на востоке — если встать достаточно высоко, можно увидеть золотой свет, исходящий с крыши этой башни. Это не свет Будды, это сияние защитного массива академии Наньюань.

Старший наставник рассмеялся:

— Если когда-нибудь вы добьетесь успеха и подниметесь на Террасу Звездочета в Имперской столице, посмотрите на юг. А если станете святыми и взойдете на вершину Павильона Меча — тоже посмотрите на юг, проверьте ради меня, правдива ли легенда!

Юноши слушали с замиранием сердца, их глаза горели.

— Прощу прощения, разрешите пройти... — Чэн Цяньжэнь с трудом пробрался сквозь толпу.

Стоило переступить порог, как шум стих.

Хотя с момента поступления он заходил сюда каждые два дня, все легенды этой башни его не касались — для него это была просто библиотека.

Помимо книг для себя, он брал учебники для Чжулю.

Сроки возврата были строгими, за порчу грозили огромные штрафы, поэтому они читали быстро и очень осторожно. Сначала он помогал Чжулю с учебой, но спустя полгода уже не мог ответить на его вопросы, поэтому записывал их и носил в павильон Ханьхай к учителям. Учителя часто хвалили его за любознательность.

Высокие стеллажи тянулись бесконечно. Внутри было много студентов, которые читали либо сидя на полу, либо стоя у полок. Если и разговаривали, то шепотом.

Первый этаж — справочная литература, второй — дополнительные дисциплины. Чем выше, тем реже встречались книги. На четвертом этаже, помимо печатных изданий, попадались древние бамбуковые свитки.

Выше восьмого этажа вход был закрыт. Говорили, там портреты великих мудрецов Наньюаня, другие утверждали — центр управления защитными массивами.

На самом деле, большинство студентов даже не успевали прочитать и десятую часть книг первого этажа до самого выпуска.

Раз уж он решил, что Чжулю будет сдавать экзамен вице-директора по Вычислению Десяти Тысяч Дхарм, нужно было начинать читать вводные книги. Чэн Цяньжэнь знал, что это искусство слишком заумно, изучает его мало кто, и в обычных лавках этих книг не найти.

На первом этаже висела огромная карта-указатель. Чэн Цяньжэнь поднялся на четвертый этаж.

Здесь было пусто, свет едва пробивался сквозь окна, слышны были только его шаги. В воздухе кружились пылинки, пахло старой бумагой и чернилами. Было так тихо, что он невольно пошел на цыпочках.

На шестнадцатом стеллаже он нашел неприметную книгу Искусство Перемен Цветка Сливы, приставил табурет, достал её и открыл первую страницу.

А снаружи шум не утихал:

— Хотя нашу библиотеку много раз реставрировали, она сохранила первозданный облик. Посмотрите на парные надписи у входа — их сделал вице-директор, они не менялись до сих пор.

Все прочитали: «Обойди весь свет, прочти все книги мира».

— Какой размах!

Старший наставник вдруг понизил голос:

— На самом деле, почти каждый год кто-то прыгает с этой башни...

— Исключили за нарушение правил — прыгают. Отказала девушка — прыгают. Проиграли в споре — прыгают.

Он снова рассмеялся, успокаивая побледневших девушек:

— Советую вам: если даже завалите экзамен — начните сначала. Вся жизнь впереди, не вздумайте прыгать.

Люди явно любили такие истории больше, чем скучные факты. Ловя на себе восхищенные взгляды, старший наставник вошел во вкус:

— На самом деле, к этой надписи можно добавить две строки, получится стих: «Высока стофутровая книжная башня, один прыжок — и все печали позади. Душа обойдет весь свет, а в следующей жизни прочтет все книги мира!»

Все рассмеялись и зааплодировали:

— Ха-ха-ха, отличный стих! Брат, ты талант!

<http://bllate.org/book/21041/2140650>